Э. Б. Петрова

БОСПОР И КИПР: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДВУХ ТИРАНИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Фрагментарное и весьма поверхностное отражение истории античных государств Северного Причерноморья в письменной традиции вынуждает современных исследователей чаще, чем при анализе исторического процесса в иных регионах, прибегать к методу аналогий, к поиску схожих явлений, ситуаций, закономерностей, действующих примерно в одно и то же время в разных областях обширного мира античной цивилизации. Весьма полезным оказалось, например, сопоставление различных тиранических режимов, возродившихся почти повсеместно в Элладе в конце классической эпохи. Оно позволило Э. Д. Фролову прийти к заключению о "многоликости и многозначимости позднеклассической тирании", а изучение этого явления применительно к окраинным областям греческой ойкумены — к выводу о его позитивной и конструктивной роли: такие периферийные тирании могли быть, по мнению автора, формами "национального" предводительства, "они возникали быстрее, развивались стремительнее и достигали более полных форм самовыражения, чем в собственно Греции"[1].

Уже давно исследователи обратили внимание на схожесть авторитарных режимов Сицилии и Боспора. Ю. Г. Виноградов в этой связи отмечает удивительное совпадение, например, обстоятельств возникновения обеих тиранических держав, ареала власти тиранов, их титулатуры, системы династийного соправительства и престолонаследия, аналогичное стремление правителей найти опору в полисной элите, окружить себя "друзьями" и армией наемников, много общего в политике по отношению к входящими в состав государства полисам, а также агрессивно настроенным соседям из варварского окружения[2]. Никаких подобных сопоставлений никогда не делалось по отношению к Боспору и Кипру. Конечно, режим Эвагора на Кипре не является для нас, в отличие от установленного Дионисием в Сицилии, "образцом для реконструкции других не столь отчетливо выраженных режимов"[3]. Кипрская тирания сама нуждается в некой модели, удобной для сопоставления и выявления ее сущности. И все же возьмем на себя смелость и попытаемся найти то общее, что сближает Боспор и Кипр, тем более, что модель есть — Сицилия.

---

[1] *Фролов Э. Д.* Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972. С. 197—198; *его же* Тирания в Гераклее Понтийской // АМА. 1974. Вып. 2. С. 114—139; *его же.* Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.). Л., 1979; *его же.* Младшая тирания // Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 2. С. 137—154.

[2] *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1 С. 412—416.

[3] *Фролов Э. Д.* Сицилийская держава Дионисия... С. 4, 63.

Начнем с того, что уже сами древние чувствовали необычность, своеобразие этнической ситуации и культурного развития на Кипре и Боспоре. Отсюда и два в чем-то схожие определения: "кипрский характер" по отношению к синкретической и очень своеобразной культуре острова и психологическому складу его обитателей, "боспоряне" по поводу разных по этнической принадлежности жителей Боспорского государства[4]. И в том, и в другом случае подчеркивается не совсем эллинский облик и духовный мир населения двух регионов, влияние на некогда поселившееся там греков других этносов и культур. Для Кипра — это мощные импульсы, шедшие с Востока, для Боспора – из варварского окружения.

Природно-географическая среда играла первенствующую роль в экономической ориентации жителей Кипра и Боспора. Выдающейся можно признать роль сельского хозяйства, особенно земледелия; на основе собственной сырьевой базы интенсивно развивались ремесла; изначально очень важными были коммерческие связи с Грецией, но также странами Востока — для киприотов, местными племенами — для боспорцев. Посредническая торговля являлась важной частью экономической жизни.

В поисках новой родины эллины пришли на Кипр много раньше, чем в Северное Причерноморье, еще в середине — второй половине II тыс. до н. э. В то время они могли принести с собой только традиции микенской эпохи. Это сказалось на характере общественных отношений, сложившихся на острове после их прибытия и оседания. Наследственная царская власть стала господствующей формой политического устройства кипрских городов-государств. Рождалось общество, в хозяйственной, общественной и культурной жизни которого сплетались традиции старого, этеокипрского населения, пришлых ахейцев, а позже, с середины IX в., финикийцев, обосновавшихся на юго-восточной части острова. Таким образом, на Кипре раньше, чем где-либо, произошла встреча Востока и Запада, а его жители не были однородны в этническом отношении. И в дальнейшем островитяне поддерживали тесные и многосторонние связи как со странами Востока, так и с греческим миром. И тот, и другой регионы оказывали на них сильное влияние.

В Северное Причерноморье греки прибыли для поселения тогда, когда традиции микенского времени давно ушли в прошлое и господствующими стали иные представления об устройстве общества.

Здесь, на берегах Северного Понта, они, однако, не были одинокими, а столкнулись с местными обитателями края, с ними следовало наладить отношения и постараться жить мирно. Важно, что аборигены обитали не только по соседству с греческими полисами, часть их осела в городах и на территории городской хоры. Их обычаи и традиции не могли не повлиять на культуру переселенцев.

Несмотря на то, что различными были эпохи и отдаленными регионы, на Кипре и в Северном Причерноморье греки встретились с близкими проблемами: они долж-

---

[4] *Савельев Ю. А.* Культура Кипра конца II — первой половины I тыс. до н. э.: Дис... канд. ист. наук. М., 1966. С. 297– 299; *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981. С. 97—98.

ны были обживать новые места с учетом интересов соседей, а взаимоотношение с последними складывались по-разному, и мирно, и враждебно.

Тирания как форма правления, родившаяся повсеместно в Греции на этапе становления государства-полиса, взявшая на себя роль буфера в сложной внутриполисной борьбе, просуществовавшая около 150 лет и на время сошедшая с исторической арены к концу VI в., не была забыта сынами Эллады, жившими за ее пределами. Зная не только слабые, но и сильные стороны этой единоличной власти, сумевшей справиться с анархией и повести полис в нужном для него направлении, представители верхов периферийных областей греческого мира воспользовались ее опытом в чрезвычайных обстоятельствах. И на Кипре, и в районе Боспора Киммерийского такие обстоятельства возникли уже в V в. и породили весьма своеобразные режимы личной власти. Были ли они тираническими?

Сначала об обстоятельствах и времени возникновения власти Эвагора и Археапактидов-Спартокидов.

Города-государства во главе с наследственными монархами на протяжении веков составляли основу общественной и политической организации на древнем Кипре[5]. Развитие института царской власти шло в сторону ее укрепления. Уже в VII—VI вв. в своих небольших царствах правители обладали всей полнотой власти, были крупными землевладельцами, собственниками рудников и лесов, торговцами, самостоятельно решали вопросы внутренней и внешней политики, заключали договоры с другими государствами, являлись верховными судьями и жрецами. Беспокойная обстановка — внутренние междоусобицы, вторжения извне — способствовали выдвижению на первый план функции военного предводительства, усиливалась власть царей и их приближенных. Всевозможные атрибуты военной жизни, статуэтки пеших воинов и всадников, коней и колесниц — обычные находки в богатых погребениях и святилищах на острове уже в конце VIII в., то есть со времени, когда Саргон II привел к повиновению "семь царей Иадананы", как называли Кипр ассирийские источники[6]. Саламинский правитель Эвелтон (вторая половина VI в.) проводил независимую внешнюю политику, поддерживая связи с Грецией, чеканил монеты со своим именем и сумел сохранить значительную самостоятельность своего царства, как и всего острова, в период персидской зависимости (Hdt. IV.162,164; Polyaen. VIII.47).

Полуавтономное положение острова, однако, сохранялось недолго. Введенная Дарием I устойчивая административная система была направлена на значительное укрепление власти центра. Кипр вошел в состав пятой сатрапии, включавшей, помимо него, Финикию и Сирию и платившей ежегодную дань в 350 талантов (Hdt. III.19,91; Aesch. Pers. 890 etc.). Начался период многолетней борьбы его жителей за независимость.

Обстановку на острове накануне захвата саламинского престола Эвагором вполне можно квалифицировать как кризисную. Экономический упадок, вы-

---

[5] *Петрова Э. Б.* К вопросу о характере государственного устройства на древнем Кипре // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 1. С. 227—223.

[6] *Oerhummer E.* Die Insel Cypern. Eine Landeskunde auf Historischer Grundlage. München, 1903. Bd. I. S. 5 ff. См. также: *Hill G.* Op. cit. P. 104 ff.; SCE. Vol. 4. Pt. 2. P. 449.

званный поборами с киприотов в пользу персидской казны и политического блокирования внешней и посреднической торговли, жизненно необходимой для большинства городов и их жителей, дополнился политическими эксцессами: искусственно разжигалась рознь между греками и финикийцами, росла ненависть населения к персидскому царю и его ставленникам на острове, при дворах процветали интриги, заговоры, не прощался, если не сказать преследовался, греческий дух, столь близкий большинству населения. Обстановка была накалена до предела. Но ослабевшие царства не в силах тогда были выступить против все еще могущественной Персии, да и кто мог возглавить эту борьбу? Везде сидели верные Ахеменидам люди, а наиболее значительный среди царств Саламин пребывал в плачевном состоянии, и его трон оказался игрушкой в руках авантюристов.

В сложившихся условиях надеяться можно было разве что на чудо. И оно свершилось. Сама жизнь выдвинула на вершину политической жизни нового героя. Им стал Эвагор, взошедший на престол Саламина в 411 году и возглавивший новый виток политической борьбы киприотов против иноземного господства.

Обратимся к Боспору. Источники, характеризующие ситуацию, возникшую накануне прихода к власти династии Археанактидов, а после Спартокидов, малочисленны и в лучшем случае могут порождать предположения, но не ставить исследователей на твердую почву фактов. Наверняка ясно лишь то, что около 480 года расположенные там города объединились, и объединение это возглавили представители рода Археанактидов (Diod. XII.31.1; 36.1.). Бесконечные споры вызывает вопрос о причинах, заставивших греков отказаться от традиции и пойти на создание крупного по эллинским масштабам государства, да еще на основе не республиканской, а монархической. Нельзя не согласиться с мнением, ныне, кажется, преобладающим, что симмахия выросла из угрозы со стороны воинственных скифов, проявивших именно в это время особую активность и недоброжелательность по отношению к недавно возникшим греческим городам. К тому же побуждала угроза стенохории[7]. Общая опасность, поставившая на повестку дня вопрос о выживании, заставила эллинов объединить свои силы, а облегчило этот процесс многое другое: единство происхождения (ионийцы, в основном милетцы), потребность торговать друг с другом и соседними племенами, необходимость вырабатывать идентичные принципы политики по отношению к ним, распространение пантикапейской монеты в других городах и иные факторы. Приходилось действовать по обстановке, ведь компактный мир греков остался далеко на юго-западе, за двумя морями, и не мог оказать какой-либо помощи. В этих необычных условиях пришлось поступиться традициями и обратиться к поискам таких политических форм, которые оказались бы более подходящими, смогли бы гарантировать некоторую безопасность и уверенность в завтрашнем дне. Объединить разрозненные силы — это и есть единственно

[7] *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 397–405; *его же.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. М., 1989. С. 81–90; *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.С. 65–67.

возможный и правильный путь. Естественно и то, что роль инициатора такого объединения взял на себя наиболее значительный из полисов, каковым был, разумеется, Пантикапей. Но в самом Пантикапее имелись власти и именно они выступили претендентами на роль организатора и главы нового политического образования. В таких условиях было не до демократии, не до долгих обсуждений: с одной стороны, подталкивала к быстрому решению дела объединения скифская угроза, с другой стороны, пока союзники не вникли во все тонкости дела, нужно было поскорее создать сильный центр и взять власть в союзе в свои руки; не исключено, что у знатного аристократического рода Археанактидов были соперники в самом Пантикапее. Приходилось торопиться, предпринимать решительные шаги. Но какой должна быть власть этого предполагаемого центра? История тут как тут, она преподносит хорошо знакомый, еще не стертый в памяти вариант: единоличное правление! Это как раз то, что решит все сомнения, замирит недовольных и сконцентрирует военные силы полисов. Но для греков единоличная власть, да еще приобретенная незаконным путем (то есть не по наследству, а по собственной инициативе и с опорой на кучку единомышленников) есть власть тираническая. Таким путем и мог пойти глава милетского рода Археанактидов в экстремальной ситуации. Такой же путь, не мудрствуя лукаво, выбрал через 42 года Спарток.

Хочется отметить, что во всех случаях — и на Кипре, и на Боспоре, и в Сицилии — сильная власть, режим, который можно квалифицировать как тиранический, был вызван исключительными обстоятельствами, в которых роль внешнего фактора была, пожалуй, более важной, чем внутренние перипетии.

Теперь о хронологии. Собственно даты прихода к власти новых правителей известны: 411 г. для Эвагора и около 480 г. для Археанактидов (предположение о более раннем объединении боспорских городов в нашем случае не играет существенной роли). Тирания Эвагора по времени и по условиям возникновения без натяжек может быть отнесена к младшей, или поздней, тирании, как принято называть это явление, порожденное в Элладе тяжелым кризисом, начало которого было положено Пелопоннесской войной. Уходил в прошлое мир греческих полисов, каким он сложился в особых условиях послемикенского времени, изживала себя система мелких кипрских царств с ее многочисленными пережитками, возникшая с приходом эллинских переселенцев во II тыс. до н. э.

На Боспоре рассматриваемые события произошли несколько раньше. В первые десятилетия V в. города Керченского полуострова только набирали силу, отстраивались, расширяли свои сельские угодья. Правление Археанактидов во вновь созданном союзе никак нельзя связать с условиями, вызвавшими к жизни младшую тиранию. Ко времени их прихода к власти в Греции только завершалась эпоха старшей, или ранней, тирании. Скорее тиранию Археанактидов (если признать, что это была именно такого рода власть) и по времени возникновения, и по сути (формирование государства путем объединения мелких и еще слабых полисов) можно отнести к старшей тирании.

Но едва ли есть смысл непременно все разложить по полочкам и отказаться от идеи многообразия форм человеческого общежития. Тирания в Боспорской

симмахии возникла потому, что в глазах ее создателей это была наиболее удобная и уже испытанная в Элладе форма правления. Впрочем, нельзя исключать и того, что тирания на Боспоре могла выполнять ту же роль, что и собственно в Греции архаического времени, а именно: способствовать, при всех ее недостатках, становлению государства. Однако в Греции она, вопреки желанию самих тиранов, не стала "правильной" монархией, а была успешно ликвидирована и заменена республикой, а на далекой окраине античного мира, где греки находились в окружении чужеродного населения, ей суждена была долгая жизнь. Археанактидов сменили Спартокиды (около 438/7 г.), при которых тирания превратилась в законную власть, передававшуюся по наследству. Спартокидов мы можем, конечно, поставить в ряд тиранов, пришедших к власти в своих полисах на волне смут и беззакония, порожденных условиями Греции в конце и после Пелопоннесской войны. Но обстоятельства их появления на боспорском престоле совершенно неясны, а значит, мы не уйдем дальше предположений, например, что смена династий произошла в условиях какого-то упадка, анархии, беспорядков. Инакомыслящие, в том числе, вероятно, представители старой династии, оказались изгнанниками, и часть их укрылась в независимой Феодосии (Isocr. XVII.5; Anon. Peripl. 77). Сыграла роль и не потерявшая актуальности варварская угроза. Нужна была более военизированная, централизованная власть, менее связанная с полисными традициями.

Однако нам ничего не известно о кризисе. Спартокиды же сделали все для того, чтобы их государство стало большим, богатым, сильным. По времени установление власти Спартока не совсем совпадает с возрождением тираних режимов в Греции, оно произошло немного раньше. Не от того ли, что союз боспорских городов уже возглавляли тираны? Спарток пошел по проторенному пути, открыв, сам того не подозревая, эпоху младшей (поздней) тирании в истории греческого мира.

Продолжая сопоставления, вернемся к Эвагору. Исократ (IX.12—19), Диодор (XIV.98.1), Павсаний (I.3.2) утверждают, что сам Эвагор возводил свою родословную к легендарному Тевкру, герою Троянской войны, основателю Саламина на Кипре и его царской династии[8], и, по словам Павсания, к одной из дочерей легендарного Кинира, известного тем, что он заложил на острове город Пафос (Apoll. Bibl. III.14.3) и подарил Агамемнону великолепный панцирь

---

[8] *Gjerstad E.* The Colonization of Cyprus in Greek Legend // OA. 1944. Vol. 3. P. 114 ff.; *Борухович В. Г.* Ахейская колонизация Кипра // Проблемы античной государственности. Л., 1983. С. 14 слл. Данные археологии говорят об основании Саламина не позднее конца XII — начала XI вв. до н. э. (эта дата близка ко времени окончания Троянской войны) и его связях с микенским миром, включая Аттику, уже в те времена. Источники свидетельствуют о бытовании в Саламине некоторых весьма древних обрядов. Традиционные связи с Афинами никогда не прерывались, что подтверждается находками в Саламине аттической керамики и скульптуры эпохи архаики и классики. Все это требует большего внимания к мифологической традиции о Тевкре и основании Саламина, чем было принято еще недавно в науке (см. об этом: *Pouilloux J.* Athenes et Salamine de Chypre // RDAC. 1975. P. 111 ff.)

(*Hom.* Il.XI.19—28). При этом никто и словом не обмолвился об отце Эвагора, что не в традициях греков. Обращает на себя внимание замечание Павсания о потомках Тевкра, которые "долгое время оставались царями, властвуя над Кипром до Эвагора" (II.29.4). Почему "до Эвагора"? Если последний не принадлежал к старой саламинской династии, то вполне объяснимо его желание объявить себя законным правителем, потомком самого Тевкра, тем более, что в его планы входил насильственный захват власти и привлечение на свою сторону местных жителей. Ничего необычного в этом нет, история знает много таких примеров (возьмем хотя бы предводителей антиперсидских восстаний из Бехистунской надписи Дария I, они все объявили себя потомками старых династий). Настораживает многократное подчеркивание Исократом (IX.23—25) царственных качеств Эвагора, как то: мужество, справедливость, мудрость, превосходство над другими правителями мощью тела и разума. Само божество предусмотрительно "позаботилось о том, чтобы он получил царскую власть достойным путем", но не вероломством, "для Эвагора божество сохранило лишь такие дела, благодаря которым можно было добиться власти, не погрешая ни против божеских, ни против человеческих установлений". Конечно, речь Исократа — это панегирик в честь саламинского правителя, здесь преувеличения неизбежны, и все же создается впечатление, что автор слишком настойчиво хочет внушить читателю мысль об истинно царском происхождении своего героя. Иными словами, у нас нет уверенности в законных правах претендента на саламинский престол, но вряд ли можно сомневаться в его знатном происхождении, хорошем образовании, физической и военной подготовке — о том свидетельствует вся его последующая деятельность. От природы он, несомненно, был наделен неукротимой энергией, умом и талантом государственного деятеля.

Неудивителен и тот факт, что Эвагор, будучи еще совсем молодым, (годы жизни — около 435—374 гг.), вынужденно покинул остров и укрылся в Солах, что в Киликии (*Isocr.* IX.26-27; *Diod.* XIV.98.1). Изгнанником совсем не обязательно должен был быть представитель свергнутого царского рода. Мы уже говорили о преследовании всего греческого проперсидскими узурпаторами саламинского трона и наводнении города финикийцами. В таких условиях изгнанников могло быть много.

Дальше события, как их представили Исократ, Диодор и другие авторы, разворачивались следующим образом. Эвагор собирает небольшой отряд (по Исократу, всего 50 человек; намек на вербовку афинских наемников есть у Аристофана в его "Фесмофориазусах": 446—449), ночью высаживается на берегу близ Саламина и штурмует царский дворец, который защищают превосходящие силы противника. Горожане при этом играют роль наблюдателей (такова была участь многих тиранов, поначалу их не понимали и не поддерживали широкие слои населения). Дворец был взят, и Абдемон изгнан из города. Эвагор покарал врагов, защитил друзей и "сделал себя, — по словам Исократа, — тираном города" (IX.32). Надо полагать, что новый правитель был признан персами, ибо на первых порах не предпринимал против них никаких действий и исправно платил подать. Он занялся восстановлением разрушенного хозяйства, расширил терри-

торию родного города, возвел вокруг него новые стены, возобновил производство и оживил торговлю, построил флот. В годы Пелопоннесской войны в Аттику с Кипра отправлялись грузы с хлебом и медью, и уже в 410 г., то есть вскоре после прихода к власти, Эвагор получил статус почетного гражданина Афин (Isocr. IX.54; Demosph. XII.10)[9]. Через некоторое время он вновь отправил в Пирей груженные хлебом корабли (Andoc. II.20—21). За военную помощь в битве при Книде 394 г. его статую установили на Афинской агоре возле царской стои, рядом со скульптурами прославленных военачальников Конона и Тимофея (Isocr. IX.56—67; Paus. I.3.2).

Роль саламинского тирана была немаловажной и в начавшейся между Спартой и Персией войне. Тогда Артаксеркс II, видимо, и подозревать не мог, что послушный и исполнительный Эвагор не ограничится саламинским престолом. Воспользовавшись временной занятостью персидского царя и почувствовав себя достаточно сильным и богатым, Эвагор со старшим сыном Пнитагором начал объединение кипрских царств под главенством Саламина (около 390 г.). Объединение экономических и военных ресурсов острова было необходимо, так как в существовании мелких разрозненных государств крылся постоянный источник слабости киприотов, неспособности защитить себя от посягательств извне. Но задача эта оказалась не из легких: с одними правителями Эвагор нашел общий язык и сумел уговорить их, владения других пришлось завоевывать силой. Жители Китиона, Соли и Аматуса, в основном финикийцы, отказались подчиняться и запросили помощи у персидского царя. Последний не замедлил с подготовкой к войне, потратив на то много времени и средств; Эвагор тут же заключил военный союз с Афинами и Египтом (389 г.) и получил от них, а также из Карии и Аравии, существенную поддержку. В качестве демонстрации своих целей он начал выпускать золотые монеты со своим именем и греческими символами[10]. Так началась десятилетняя Кипрская война 390—380 гг., довольно подробно описанная Диодором и менее основательно многими другими авторами.

Обращаясь к Боспору, сразу отметим, что о приходе к власти Археанактидов-Спартокидов мы практически ничего не знаем. На этот счет есть разные предположения, одно из них (Ю. Г. Виноградов, Ф. В. Шелов-Коведяев) сводится к тому, что занимавший в симмахии должность типа стратега-автократора один из Археанактидов стал тираном первоначально в своем государстве, вероятнее всего, в Пантикапее, а после, применив насилие, и в других полисах[11]. Прошло время, и уже при Спартокидах окрепнувший Боспор начал расширять

---

[9] Текст декрета на мраморной стеле из Афин см.: IG. I^2. № 113; Tod^2. II. № 109.

[10] О чеканке Эвагора I см.: *Hill G.* Catalogue... P. C—CIII, 55—58. Pl. XI.8–21; *Masson O.* Les Inscriptions Chypriotes Syllabiques. Paris. 1961. P. 322–323. № 325 a–d. Показательно, что все известные серебряные и золотые монеты Эвагора несут изображение эллинского героя Геракла в львиной шкуре. Такой выбор обусловлен политической ориентацией тирана и его стремлением бросить вызов персам, а также желанием противопоставить себя Китиону, на акрополе которого красовался храм Мелькарта, а на монетах изображалось это финикийское божество, отождествлявшееся с Гераклом.

[11] *Шелов-Коведяев Ф. В.* Указ. соч. С. 72.

свои владения за счет земель полисов, не вошедших в его состав, и соседних варваров. В этой схеме много общего с ситуацией в Сицилии, но, как видно, и на Кипре тоже. Эвагор опирался на маленький отряд, состоявший, вероятно, из друзей-единомышленников, оказавшихся в изгнании вместе с ним, и, кажется, какого-то количества наемников. Если при штурме царского дворца в Саламине он не встретил поддержки со стороны горожан, то впоследствии приобрел многих сторонников не только в своем городе, но и в других царствах (Исократ даже называл его "народным вождем" — IX.46).

Без такой поддержки недовольных персидским и финикийским засильем он не смог бы собрать военные силы и вести успешную на первых порах борьбу с великим царем. Ближайшими помощниками тирана уже в начале его пути могли быть родственники (о потомках Эвагора Исократ говорил: "одного величают царем, других — владыками, третьих — владычицами" — IX.72. Аристотель по поводу административного устройства на Кипре замечал: "сыновья и братья царя называются владыками, сестры и жены — владычицами" — Фр. 483). Одни считают, что опору Археанактидов могли составить богатые и знатные аристократические роды, другие предполагают, что ею были демократические слои, а также войско. Если принять гипотезу о фракийском происхождении Спартока, то придется согласиться с тем, что у Археанактидов имелось какое-то количество воинов-наемников. В последующие времена именно в таком качестве фракийцы в основном и пребывали на Боспоре.

Итак, Эвагор захватывает трон в Саламине, завоевывает кипрские царства, действуя в одних случаях силой, в других — дипломатическим путем[12]. Археанактиды делают то же самое по отношению к Пантикапею и полисам Керченского пролива. В дальнейшем Эвагор ведет войну с Персией, а ставшие преемниками Археанактидов и расширившие свои владения за счет Нимфея и Феодосии Спартокиды — с местными племенами.

Очень важен вопрос о наемниках, когда речь идет о тирании. Мы уже говорили, что небольшое число наемников могло быть в отряде Эвагора, штурмовавшем Саламинский дворец, а также на службе у Археанактидов. В 388/7 г. афинский командующий Хабрий прибыл на Кипр с отрядом в 800 пельтастов и десятью кораблями, он помог Эвагору завоевать царства, не желавшие признавать верховенство Саламина (Xen. Hell. V. 1.10; Demosph. XX.76; Corn. Nep. XII.2). Особенно важным стал захват Китиона, на трон которого посадили уже известного нам по речи Исократа, а также по монетам Демоника[13]. В районе Фамагусты, около деревни Лизи, найден известняковый надгробный рельеф гоплита в панцире, шлеме, с мечом, копьем и щитом (конец V — начало IV в.); надпись на ионийском диалекте называет его Дионисием из Кардии, города на полуострове Херсонес Фракийский. Фракийские наемники в это время известны в Афинах, поэтому в нашем воине можно видеть солдата из отряда Хабрия, погибшего где-то на полпути между Саламином и Китионом[14]. И в собственном

---

[12] *Фролов Э. Д.* Сицилийская держава Дионисия... С. 64–65.

[13] *Hill G.* Catalogue... P. XXXVII–XL.21. Pl. IV.19

[14] *Ikaios P., Taylor J.* Acquisitions of the Cyprus Museum in 1936 // RDAC. 1936. Pt. 2. P. 108—109. Pl. 34.1; *Wilson V.* The Lysi Warrior Relief // RDAC. 1970. P. 103—111. Pl. 18.

войске саламинского тирана были наемники. Диодор особенно подчеркивает могущество, богатство и военную силу (включая наемную) Саламина и его правителя, позволившие привести к покорности другие царства и начать войну с персами (XIV.98.1—2; XV.2.4).

В книге Л. П. Маринович подобраны свидетельства Исократа, Диодора, Феопомпа и других авторов, из которых ясно следует, что в годы Кипрской войны пельтасты составляя большую часть войска Эвагора, но пельтасты — это профессиональные воины-наемники, в отличие от ополченцев[15]. Их нанимали и сам тиран, и союзники, посылавшие ему помощь воинами, кораблями, оружием, деньгами, продуктами питания. Первые победы Эвагора, особенно крупнейшая из них — захват неприступного Тира, были возможны из-за поддержки афинян, египтян и других союзников, которая продолжалась до подписания Анталкидова мира в 387 г., а также благодаря наличию у тирана профессиональных воинов.

В распоряжении Эвагора имелись, таким образом, следующие силы. Как указано выше, 800 пельтастов и десять триер во главе с Хабрием были присланы из Афин (Xen. Hell. V. 1.10), плюс к этому 50 кораблей от египетского фараона Акориса (Diod. XV.2.4; 3.4), а также свои собственные 150 кораблей флота и шеститысячное войско, не считая союзного. По Исократу же, в его распоряжении было 3000 пельтастов (IV.141). В свою очередь, Артаксеркс собрал для войны на Кипре 300 тыс. пехоты и более 300 кораблей (Diod. XV.2.1) и истратил не менее 15 тыс. талантов (Isocr. IX.60).

И еще один важный для нас момент: верным помощником Эвагора стал сын Пнитагор. Он был не только его правой рукой в военных делах, но своего рода соправителем. На время своей дипломатической поездки в Египет отец оставил сына "для защиты города" (то есть Саламина) и "правления на Кипре" (Diod. XV.4.3; Isocr. IX.62).

На Боспоре периода правления Спартокидов хорошо известны и наемные, и союзные войска. В качестве наемников выступали греки и фракийцы (по Диодору, в войске Эвмела было две тысячи греческих наемников и столько же фракийских — XX.22; см. также: КБН. № 37, 108); с конца III—II вв. все большую роль стали играть скифские воины-союзники, а также синды и меоты, заменившие прежних наемников, дорого обходившихся казне[16]. Не исключено, что своих воинов Спартокиды расселяли ближе к границам государства; на восточных рубежах охранительные функции выполняли синды и меоты, на западных — фракийцы и скифы.

Система соправительства (участие в управлении государством двух старших сыновей наряду с отцом, а после его смерти их совместное правление до смерти одного из братьев), действовавшая при ранних Спартокидах, а быть может, и поздних тоже, хорошо зафиксирована в источниках и давно обратила на

---

[15] *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 51, 60, 101, 115.

[16] *Сокольский Н. И.* К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э. // СА. 1958. Т. 28. С. 298—307; *Виноградов Ю. А.* О погребении воина у Карантинного шоссе (1834 г.) // Проблемы истории Крыма: Тез. докл.. Симферополь, 1991. Вып. I. С. 25—27.

жет, и поздних тоже, хорошо зафиксирована в источниках и давно обратила на себя внимание ученых[17]. Когда у власти стояли два брата, старший считался верховным правителем, именно он был носителем царского титула. Такая практика была вполне в духе греческих тираний. И Эвагор начал объединение острова совместно со старшим сыном Пнитагором (младший тогда еще не достиг зрелого возраста), видя в нем соправителя, способного заменить на троне отца во время его отлучки. Пнитагор погиб вместе с Эвагором от рук заговорщиков через 16 лет после начала Кипрской войны, престол унаследовал возмужавший к тому времени Никокл.

Кипр при Эвагоре и Никокле, Боспор при Археанактидах (но особенно при Спартокидах) сильно тяготели к Греции, несмотря на то, что жизнь постоянно сталкивала их с необходимостью решать проблему взаимоотношений с ближайшими соседями. Разумеется, они и торговали, и поддерживали дипломатические отношения с разными государствами эллинского мира, но Афины при этом играли выдающуюся роль.

Поклонник всего греческого, Эвагор пригласил в Саламин ученых, артистов и музыкантов из Эллады, ввел греческий (ионийский) алфавит[18] и эллинское образование для знатной молодежи (Isocr. IX.47-50). Многие греки, в особенности афиняне, побывали в те времена на Кипре, порой подолгу жили там, приобретали имущество, для некоторых остров стал надежным убежищем и второй родиной. По замечанию Ж. Пуйю, царский двор превратился в "маленькие Афины", и присутствие афинян не могло не оказать влияния на политические пристрастия правителя и его вкусы"[19]. Археологические материалы показали, что в годы правления Эвагора аттический импорт достиг своего максимума, греческие изделия заполонили рынки разных городов, включая даже Китион[20].

Киприоты не были редкими гостями в Афинах, они ездили туда по коммерческим делам (и организовали там свои торговые общества), с дипломатическими миссиями, для учебы, бракосочетания. Одна из надписей упоминает земельный участок киприотов в Аттике (IG. 12. № 2776)[21]. Следовательно, не только афиняне могли приобретать недвижимость на территории дружественного острова, но и жители острова иногда пользовались такими же правами в Афинах. В моду вошли греческие изделия и вкусы. На Кипре работали мастера из Эллады, а местные скульпторы, гончары, ювелиры

---

[17] См. обзор историографии: *Васильев А. Н.* К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986. С. 33—45. См. также: *Шелов-Коведяев Ф. В.* Указ. соч. С. 154—157; *Акопян А. П., Бадер А. Н.* Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинской культуры на Востоке // ВДИ. 1990. № 1. С. 247 (доклад *Ю. Г. Виноградова*: "Боспор и эллинизм").

[18] Греческий алфавит стал употребляться наряду со старым кипрским силлабарием. Интересна в этом отношении диграфическая надпись из Саламина времени Эвагора (*Pouilloux J.* Op. cit. P. 118. Pl. XV.4).

[19] *Pouilloux J.* Op. cit. P. 118.

[20] SCE. Vol. 4. Pt. 2. P. 501—502; *Karageorghis V.* Kition. P. 115—116.

[21] *Андреев В. Н.* Аттическое общественное землевладение. II // ВДИ. 1972. № 4. С. 14.

подражали греческим образцам или, вдохновленные ими, шли своим, но уже новым, путем[22] (особенно хочется отметить великолепной работы мраморную голову, кажется, Афродиты, исполненную в манере раннего Праксителя греческим скульптором, вполне возможно, работавшем при дворе Эвагора[23]. Естественно, это один из многих примеров). Киприоты были участниками афинских праздников и спортивных соревнований, кстати, могли там встречаться с боспорцами. Победители привозили на родину панафинейские амфоры, фрагменты которых встречаются при раскопках и на Кипре, и на Боспоре.

Таким образом, при Эвагоре был заложен прочный фундамент деловых и культурных связей жителей острова с Элладой, в особенности с Афинами. В дальнейшем, при Птолемеях и римлянах, они развивались и укреплялись.

Сходную ситуацию мы обнаруживаем на Боспоре. В V в. афиняне больше были связаны с Феодосией, Нимфеем, чем с городами Боспорского царства, но уже в конце этого столетия и особенно в IV в. заинтересованность в боспорской пшенице стала огромной, она составила половину всего ввозившегося в Аттику хлеба (Demosph. XX. 31). Хорошо известны цифры, сообщенные древними авторами и свидетельствующие о просто гигантских экспортных поставках при Левконе I: 400 тыс. медимнов (16380 т), ежегодно и на льготных условиях вывозимые в Аттику, и 2 млн. 100 тыс. медимнов (86 тыс. т.), отправленные туда же из вновь отстроенного феодосийского порта (Demosph. XX.32; Strab. VII.4.6). Полагают, что между Афинами и Боспором уже в 90-х гг. IV в. существовали экономические и политические договоры; они обеспечивали постоянное движение товаров и облегчали этот процесс благодаря предоставлению взаимной безпошлинности, права первоочередной погрузки товаров и прочих льгот[24]. Сатир I, вслед за ним Левкон I и его сыновья Спарток и Перисад пользовались в Афинах привилегиями и почестями, что следует из декретов, изданных в их честь от имени совета и народного собрания[25]. Из декрета 346 г. мы узнаем, что команды боспорского торгового флота были пополнены опытными афинскими моряками. С Боспора в дружественные Афины шли не только хлеб, но и иные товары: соленая рыба, кожа, шерсть, древесина, рабы. Археология подтверждает данные письменных источников. На Боспоре этого времени особенно много керамики, металлических вещей, украшений, произведений искусства аттического производства.

Афиняне ценили также и кипрский хлеб. Грузы, поступавшие к ним от Эвагора в годы Пелопоннесской войны, были очень кстати, ибо Афины очень нуждались в хлебе в условиях, когда спартанцы предприняли атаку на черноморские

---

[22] *Dikaios P. A.* Guide to the Cyprus Museum. Nicosia, 1947. P. 67—68, 73, 109—111, 136—141; SCE. Vol. 4. Pt. 2. P. 117 etc., 364 etc., 502 etc.: *Савельев Ю. А.* Указ. соч. С. 292 слл.

[23] *Karageorghis V.* Salamis. N.-J. etc. 1961. P. 167, 171. Pl. 105.

[24] *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 129 слл.; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 67 слл.; *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959. С. 116 слл.; *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963. С. 112 слл.

[25] IG. II^2. № 212; Граков. № 3. См. также: Demosph. XX.29—40.

проливы, решив отвоевать их у противника (411 г.)[26]. Кипрская пшеница на сей раз заменила боспорскую, провоз которой был временно приостановлен. А вот в 80-е годы IV в., кажется, ни Боспор, ни Кипр не имели возможности посылать в Афины значительные партии зерна, так как и сами находились в состоянии войны: Спартокиды с Феодосией и Гераклеей, Эвагор — с Персией.

И позднее киприоты и боспорцы протягивали руку помощи афинянам в тяжелые для них времена. Так было, например, в 330—325 гг., когда страшную нехватку хлеба в Аттике частично компенсировал торговец из кипрского Саламина Гераклид. Афиняне посвятили ему ряд почетных декретов (IG. 112. № 360; $Syll^3$. № 304; АСПИ. № 413)[27]. Так было в 288 г., когда боспорцы помогли хлебом Афинам и те издали в честь Спартока III почетный декрет (IG. II^2. № 653; Граков, надпись № 4). Нужно отметить, что афиняне не однажды использовали кипрских купцов в своих коммерческих делах в Северном Причерноморье.

Только что упомянутый Гераклид ездил в Понт и, кажется, закупал зерно для Аттики на Боспоре (источники нередко под Понтом подразумевали именно Боспор). В приписываемой Демосфену речи "Против Лакрита" упоминается некий Антипатр из кипрского Китиона, ссужавший купцам в Афинах деньги для торговых поездок в Понт (АСПИ. № 427). Надпись на надгробной стеле IV в. до н. э. из Пантикапея гласит: "Аристократ, киприот" (КБН. № 236). Иными словами, для киприотов — негоциантов и мореплавателей — Понт не казался краем света и входил в сферу их деловой жизни, а связующим звеном между этими двумя далекими друг от друга и от собственно Эллады регионами стали Афины.

На Боспоре, как и на Кипре, было много афинян, приезжавших (порой подолгу живших там) по делам торговли, производства, дипломатии. В ремесленных мастерских боспорских городов трудились аттические ремесленники, выполняя заказы местных жителей — горожан и сельчан. Обычными были поездки боспорцев в Аттику, их привлекала не только деловая жизнь Афин, но и возможность побыть в центре политической и культурной жизни Греции, получить хорошее и модное по тем временам образование.

Некоторые афиняне и боспорцы были связаны родственными узами. В научной литературе неоднократно обсуждалась судьба Гилона, на многие годы связавшего свою жизнь с Нимфеем и вообще с Боспором; не забыли и его знаменитого внука Демосфена, ратовавшего за дружественные отношения и деловые связи со Спартакиадами и имевшего на Боспоре родственников (Aeschin. III.171—172; Dinarch. I.43; Demosph. XX.29—40); без внимания не осталась коммерческая активность богатого и влиятельного боспорского купца Сопея и особенно поездка в Аттику его сына, осуществленная не столько ради торговых интересов семьи, сколько ради собственного интеллектуального и эстетического развития (Isocr. XVII), — это лишь наиболее известные из афинян и боспорцев; между тем, в речах Лисия, Исократа, Демосфена фигурируют многие другие

---

[26] *Блаватская Т. В.* Указ. соч. С. 71—72; *Брашинский И. Б.* Указ. соч. С. 100—101.

[27] *Максимова М. И.* Краткий путь через Черное море и время освоения его греческими мореходами // МИА. 1954. № 33. С. 55—56; *ее же.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 165—167.

торговцы и их агенты, ростовщики и корабельщики, посланники Спартокидов и Афинского государства; мы узнаем о знакомых и друзьях боспорских правителей из Аттики (так, Мантифей и его брат были посланы отцом к Сатиру I и прожили на Боспоре два года — Lys. XVI.4), об учениках Исократа с Понта (по предположению М. В. Скржинской, среди них мог быть и наш Сопеид; в таком случае не был ли он знаком с кем-либо из исократовых воспитанников с Кипра? Так или иначе, но учеба у одного и того же педагога способствовала восприятию людьми из разных, порой весьма отдаленных друг от друга районов греческого мира общих идей. Это, помимо всего прочего, подготавливало почву для всеобъемлющего синкретизма эпохи эллинизма)[28].

Киприоты и боспорцы черпали из сокровищницы греческого образа жизни очень многое, укрепляя тем самым эллинские основы своего бытия. Это было важно и для Кипра, где традиции микенских и архаических времен задержались дольше, чем в других местах, а восточное давление было значительным, и для Боспора, географическая отдаленность которого и варварское окружение также тормозили процесс восприятия новых веяний из Эллады. Создается впечатление, что Афины в конце V — IV вв. смотрели на Кипр и Боспор как на своих партнеров одного порядка. Т. В. Блаватская подметила, что, когда афиняне искали в тяжелое для себя время новых союзников, их взоры обратились к Эвагору (уже в 411 г.) и Сатиру (незадолго до 406 г.), они получили от обоих помощь зерном, заключили с ними идентичные договоры с определенными взаимными политическими обязательствами, даровали обоим династам права гражданства, восхваляли за доброжелательность к их государству и наказали властям заботиться о благополучии своих новых друзей[29]. И Эвагора, и Спартокидов увенчивали золотыми венками, статуи их воздвигали в Афинах и Пирее.

Мы попытались привести разные доводы в пользу того, что и на Кипре, и на Боспоре существовали авторитарные режимы в форме тирании, и увидели, что способ установления и характер власти Эвагора и Археанактидов-Спартокидов близки, а часто даже идентичны тому опыту тиранических движений, который преподносят нам многие районы греческого мира. Остался неоговоренным вопрос: а как сами древние смотрели на правителей Кипра и Боспора?

В отношении Боспора анализ терминов, употреблявшихся в древности для обозначения сущности власти его правителей, успешно проведен, он показал, что термины эти различны (тираны, династы, цари, архонты), употребление их в том или ином случае зависело от конкретных обстоятельств, но среди них выделяется один — "тиран", он звучит чаще, чем другие, и отражает современную

---

[28] *Жебелев С. А.* Указ. соч. С. 180 слл.; *Каллистов Д. П.* Измена Гилона // ВДИ. 1950. № 1. С. 27 слл.; *Брашинский И. Б.* К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э. // ВДИ. 1955. № 2. С. 148. слл.; *Блаватская Т. В.* Указ. соч. С. 68 слл., 116 слл.; *Шелов-Коведяев Ф. В.* Указ. соч. С. 90 слл.; *Скржинская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 136 слл.

[29] *Блаватская Т. В.* Указ. соч. С. 71—72, 125, 128.

Спартокидам традицию[30]. Кроме того, отмечено совпадение этих терминов с теми, которыми именовали сицилийского тирана Дионисия.

Что же мы видим на Кипре? Эвагора никогда не величают архонтом, и это понятно, ведь для Кипра обычным был термин "царь" (басилей), им традиционно нарекали античные авторы (как, впрочем, и многочисленные надписи и монетные легенды) правителей острова до и после Эвагора. Интересно, однако, что всех их называют также и тиранами. Еще Геродот употреблял по отношению к главам кипрских царств оба термина (V.104, 109—111, 113, 115; VIII. 11). По этому поводу А. И. Доватур заметил, что Геродот называл тиранами всех негреческих царей (Кипр, видимо, мыслился им частью восточного мира, тем более, что он входил в состав Персидской державы — Э. П.) В то же время он называл их царями, ибо знал, как и все греки, о существовании наследственной монархической власти на острове[31].

Исократ в Кипрских речах употребляет оба термина, желая, по мнению Э. Д. Фролова, таким образом стереть различия между обоими обозначениями и сблизить тиранию с царской властью[32]. Слова "тиран", "тирания" у него звучат особенно часто: оратор не очень-то вуалировал способ приобретения власти Эвагором, для него главным являлось то, что тирания — весьма непривлекательная форма правления, отрицательное явление в жизни Эллады, может при желании людей стать явлением вполне приемлемым и даже достойным, но в таком случае тиран должен вести себя так, как подобает царю, а его подданные смотреть на него глазами доброжелателей и быть ему помощниками во всех начинаниях.

Исократ все время сопоставляет эти два режима — тиранию и монархию, показывает недостатки первого и положительные качества второго. Почему же именно в речах, посвященных Эвагору и Никоклу, он употребляет такой прием? Едва ли он стал бы это делать в том случае, если бы Эвагор получил власть по наследству, имел на то право по закону. Исократ прекрасно знал, что кипрский правитель был тираном, и даже не стал называть имя его отца. Но это знали и все остальные греки, потому и не было смысла скрывать этот факт. Отсюда такие откровенные высказывания, как, например: "решил добиваться тирании", "добиться успеха и стать тираном" — по отношению к Эвагору (IX.27,28,32); "хотя на протяжении веков было столько тиранов, не найти ни одного, кто достиг бы этого положения более достойным путем, чем Эвагор"(IX.34); "ты не один из многих, а тиран над многими" — по отношению к Никоклу (II.50); или: "оценка человеческой натуры и поведения более последовательно проводится при тираническом правлении" (III.16) и т.п. Все это для нас очень важно, так как Исократ был современником Эвагора и его сына, близко знал их. В отличие от Геродота, он жил в то время, когда греки уже не путали термины "тиран" и "басилей".

---

[30] *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье... С. 396, 407—414; *Шелов-Коведяев Ф. В.* Указ. соч. С. 88—89.

[31] *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 52—53, 57.

[32] *Фролов Э. Д.* Монархическая идея у Исократа... С. 16.

Терминология Диодора, важнейшего из наших источников, удивительно однообразна: он употребляет по отношению ко всем кипрским царям, включая Эвагора и его преемников, лишь один термин – "царь" (басилей) и производные от него ("царствовать" и пр.) (XIV.39.1; XV.8.1.2; 9.2; XVI.40.5; 42.4.6.7.9; 46.1.3; XIX.57.4; 59.1; 79.4; XX.21.1–3). Та же картина прослеживается и по отношению к Спартокидам, что Ю. Г. Виноградов объясняет или заимствованием из боспорского источника эллинистического времени, или творчеством самого автора "Исторической библиотеки", обозначавшим словом "царь" носителей единоличной власти вообще, в том числе и тиранов.

Эти рассуждения можно распространить и на наш случай с Кипром. Однако главная причина такого постоянства автора, кажется, все же кроется в его традиционном использовании термина "царь" для любого единоличного правления. В этом смысле и Страбон говорит о царях Кипра (XIV.5.2).В то же время он упоминает тиранов в кипрских городах (XIV.6.6) и здесь зависит от источника (на примере Геродота мы убедились в сочетаемости этих двух понятий и в том, что древние использовали оба термина при определении характера правления на острове). Следует учесть еще один немаловажный момент: Эвагор приобрел власть тираническим путем, но всячески стремился к тому, чтобы его признали именно царем, а не тираном, поэтому возводил свою родословную к Тевкру и правил в духе традиций царской власти, сложившихся на Кипре, не стремился изменить существа издавна установившихся порядков (вспомним, что ближайшие родственники Эвагора именовались, как ранее было принято, владыками и владычицами, что Эвагор раздавал земли приезжим и передал сыну по наследству свое хозяйство, был судьей и жрецом — все это обычно для кипрских царей и уходит корнями в далекое прошлое)[33]. Ему удалось добиться своего — он был признан царем персидскими правителями, а мирный договор, завершивший Кипрскую войну, предусматривал такие взаимоотношения с Артаксерксом, при которых Эвагору было предписано "как царю повеления царя слушать" (Diod. XV.9.2). Итак, незаконным путем приобретший трон, проводивший антиперсидскую политику и проигравший войну с персами Эвагор перед всем миром был объявлен царем. Его последователи считалась законными правителями и ничем не отличались от глав других кипрских царств. Вполне естественно, что древние авторы называли его и потомков и тиранами, и царями. В надписях и монетных легендах кипрские цари, включая Эвагора, всегда величаются басилеями[34].

* *
*

Просуществовавшая три десятка лет держава Эвагора была своеобразным прототипом будущих эллинистических государств, первой пробой, продемонстрировавшей экономические и политические преимущества единого целого над системой мелких разрозненных царств. В то время это было исторически обу-

---

[33] SCE. Vol. 4. Pt. 2. P. 498—500; *Борухович В. Г.* Ахейская колонизация Кипра... С. 19.

[34] *Hoffmann O.* Die griechische Dialekte in ihrem historischen Zusammenhängen. Göttingen, 1891. Bd. I. S. 35 f.

словлено. В Элладе объединительные тенденции вылились в организацию союзов полисов, на Кипре, где процветала монархическая форма правления, — в создание централизованного государства в масштабах всего острова. Роль объединителя в необычайно тяжелых условиях приняла на себя тирания. Тот же путь, хотя и несколько раньше, выбрала для себя в не менее сложных условиях правящая элита Боспора.

Авторитарные режимы хорошо показывают себя в экстремальных ситуациях, в частности, в условиях военного времени, экономических и политических кризисов, восстаний, революций потому, что они позволяют быстро отреагировать на происходящее, принять срочные решения, оперативно сосредоточить силы и средства на нужных направлениях, соблюсти тайну при проведении тех или иных мероприятий, им легче подавить оппозицию. Но такие режимы недолговечны, люди не могут жить в постоянном страхе и по общей команде, постепенно теряя свою индивидуальность, способность к самостоятельному мышлению и поступкам. Тирания, как разновидность тоталитарных режимов, также недолговечна. Она вводилась на ограниченный срок ради решения конкретных задач. После отпадения необходимости в ней она либо уходила с исторической сцены, уступая место более демократическим системам управления, либо эволюционировала, например, в сторону "правильной" монархии. Так было, как правило, тогда, когда условия, вызвавшие к жизни тиранию, сохранялись долго (в первую очередь внешнеполитические, то есть независимые от тирана и его деятельности); тиран передавал по наследству не только свою власть, но и свои функции, связанные с решением особенно сложных задач.

Периферия античного мира оказалась наиболее подверженной внешней угрозе; здесь условия, вызвавшие к жизни тиранию, сохранялись особенно долго. Именно поэтому на Кипре и Боспоре тиранические режимы "задержались", превратившись в обычные монархии. На Кипре это облегчалось уже имевшимся многовековым опытом жизни в условиях монархии, на Боспоре диктовалось необходимость сохранять единство разнородных частей государства — греческих полисов и варварских племен. Разница в том, что Спартокиды удерживали бразды правления в течение почти трех с половиной веков, единое же Кипрское государство распалось уже при Эвагоре. Маленький Кипр не смог противостоять такой громаде, какой была Персидская держава.

Как известно, Боспорское государство в трудах В. Д. Блаватского именовалось протоэллинистическим. Ученый находил параллели в истории греческих государств Северного Понта (особенно Боспора), Малой Азии, Сицилии, Фракии, отчасти Кипра и указывал на особые условия в этих регионах — окружение местных племен[35] (отметим, что на Кипре, в отличие от Боспора, не было варварского окружения). Не останавливаясь на дискуссии и аргументах оппонентов теории "протоэллинизма"[36], заметим, что окраинные районы античного мира в

---

[35] *Блаватский В. Д.* Процесс исторического развития государств в Северном Причерноморье // ПИСПАЭ. М., 1959. С. 14—20; *его же.* Пантикапей. М., 1964. С. 59; *его же.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С. 109—132.

[36] *Шелов-Коведяев Ф. В.* Указ. соч. С. 182—186.

конце классической эпохи набрали высокие темпы развития и под влиянием передовых областей Эллады интенсифицировали свое хозяйство, активно втянулись в процесс международной торговли, стали играть заметную роль в политической и культурной жизни древнего мира.

Объединительные тенденции, действовавшие повсюду в греческом мире, на периферии имели больше простора, чем в центральных областях Эллады. Их действие привело к возникновению своеобразных "держав" на Боспоре, Кипре, в Сицилии и других местах. В некотором роде они предвосхитили будущее, указав путь к процветанию, а именно: объединение сырьевых, водных, транспортных ресурсов и создание единого экономического целого, собирание разрозненных земель и организацию сильного центра, милитаризацию, необходимую для обороны и нападения, смелый выход на международную арену, культурный плюрализм. "Просвещенным деспотизмом" назвал правление Эвагора Э. Гьерстэд, он видел в саламинском правителе тирана, поставившего своей целью экономическое, политическое и культурное возрождение своего родного города и своего острова, считал, что его деятельность подготовила почву для появления ростков эллинизма в недалеком будущем.[37]

С этим нельзя не согласиться, как и с желанием Ю. А. Савельева поставить Эвагора в ряд с наиболее крупными правителями IV в. — тиранами Сицилии, Фессалии. Однако, исследователь видит в правлении Эвагора кипрский вариант не поздней тирании, а "протоэллинистической" монархии, осуществленной на основе наследственной царской власти, и сближает в этом отношении Кипр с Македонией и Карией[38]. Мы же попытались доказать, что правление Эвагора было именно тиранническим, а Кипр позднеклассического времени возможно поставить в один ряд с такими окраинными областями греческой ойкумены, как Боспор и Сицилия.

Напрашивается вывод: роль тиранических режимов была гораздо большей, чем это может показаться на первый взгляд; особые условия, в которых оказались окраинные районы эллинского мира, породили центростремительное движение, которое привело к объединению обширных территорий и этнически разнородного населения, созданию сильного и жизнеспособного целого, которое было в состоянии, с одной стороны, противостоять врагу, с другой — протянуть руку дружбы и помощи такой далекой и близкой Элладе. На примере Кипра и Боспора мы видим, что эти режимы справились со своими задачами, заложили фундамент для будущего развития общества и просуществовали ровно столько, сколько потребовала от них история.

---

[37] SCE. Vol. 4. Pt. 2. P. 449—500, 504—505.

[38] *Савельев Ю. А.* Указ. соч. С. 294; *его же.* Культура Кипра конца II—первой половины I тыс. до н. э.:Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. С. 21.